

УДК 821.161.1 + 811.1

**РУССКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ 40–50 годов XIX в.
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОГО АСПЕКТА ПЕРЕВОДА
(«Записки охотника» И.С. Тургенева в переводе Э. Шарьера)**

© 2010 г.

Н.А. Воскресенская

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

voskressen@rambler.ru

Поступила в редакцию 25.03.2010

Рассматривается проблема интерпретации текста переводчиком на примере перевода произведения И.С. Тургенева «Записки охотника» на французский язык как образца вольного обращения с оригинальным текстом, в результате чего искажается русский национальный характер. Ставится проблема интерпретации текста переводчиком.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, восприятие, национальный характер.

Эрнест Шарьер – французский писатель и переводчик, в течение десяти лет живший в России и имевший возможность изучить русский язык и быт, – автор ряда статей о русской жизни, напечатанных в «Mercure de France». По возвращении во Францию Шарьер опубликовал большой труд «Politique de l'histoire» (1841–1842), в котором дал интересные для Западной Европы подробности о быте славянских народов. Таким образом, к моменту выхода в свет «Записок охотника» он довольно хорошо владел языком оригинала, имел представление о традициях русской действительности. Немаловажен также и тот факт, что в сознании французской публики он имел авторитет знатока славянского мира. По-видимому, все эти факторы и побудили Э. Шарьера взяться за перевод «Записок». К тому же, как считает французский исследователь творчества Тургенева Анри Монго, «перевод выходит в тот период, когда отношения между странами были напряженными и во французской прессе появлялись все более тенденциозные статьи: правящий класс в России резко критикуется, <...> а Шарьер <...> счел нужным присоединиться к происходящему» [3: 30, перевод с франц. наш – Н.В.].

Данный перевод представляет большой интерес для исследования. Во-первых, это первый перевод такого значительного для русской действительности произведения, к тому же выполненный в 1854 году, через два года после выхода книги в России. Во-вторых, в подходе Шарьера к работе над «Записками» бросается в глаза слишком вольное обращение с оригинальным текстом. Такой подход не мог не обернуться тем, что вся работа Шарьера – это в первую очередь авторская интерпретация «Записок» и

только в последнюю – перевод конкретного произведения. Сам Тургенев так писал С.Т. Аксакову: «Получил я наконец французский перевод моих "Записок" – и лучше бы, если б не получил их! Этот г-н Шарриер чёрт знает что из меня сделал – прибавлял по целым страницам, выдумывал, выкидывал – до невероятности...» [2: 223].

Несомненно, работать над переводом цикла очень сложно, так как помимо перевода отдельных частей текста (рассказов и очерков) необходимо было выразить основную идею произведения. Трудность перевода «Записок» заключалась также и в том, что входящие в состав цикла произведения создавались автором на протяжении нескольких лет. Известно, что часть рассказов была написана Тургеневым во Франции, а другая в России. Это не могло не сказаться на содержании произведений, на тех акцентах, которые были проставлены в них автором. В исследовании одного из первых биографов Тургенева Н.М. Гутьера отмечено, что рассказы, «напечатанные до 1848 г., проникнуты заметной враждой к крепостному праву; написанные же с 1848 г. носят отпечаток более тоски по родине» [1: 118].

В переводе Э. Шарьера практически отсутствует тот пласт содержания, который связан с выражением тоски Тургенева по России. Он сосредоточивает внимание читателя на изображении крепостной действительности, что в принципе не противоречит одной из основных задач произведения – дать критику нравственных устоев русского крепостного права. Однако усиление названной тенденции вызывает резкий протест со стороны Тургенева, так как публикация «Записок охотника» была одной из причин

ареста автора и высылки его из Петербурга. События, что сопровождали появление «Записок охотника» в России, заставляют Тургенева выступить с официальным заявлением. В письме к редактору «Journal de St. Pétersbourg» он так отзывается о переводе: «...вряд ли найдется много примеров подобной литературной мистификации. Не говорю уже о бессмыслицах и ошибках, которыми он изобилует, – но, право, нельзя себе представить все изменения, вставки, прибавления, которые встречаются в нем на каждом шагу. Сам себя не узнаешь. Утверждаю, что во всех "Записках русского барина" нет четырех строк, правильно переведенных... Вы понимаете, м. г., что с такой системой перевода можно дать полный разгул своей фантазии, и г. Шарриер не преминул это сделать. Он кроит, режет, изменяет, заставляет меня, по произволу, плакать, смеяться, подсмеиваться, и за это-то я наиболее сердит на него» [2: 221].

Уже в заглавии произведения Шарьера «Записки русского барина, или Картина современного состояния дворянства и крестьянства в русских провинциях» отражена социальная направленность данного перевода, которую обосновывает Шарьер в предисловии, где говорит о том, что он посчитал необходимым озаглавить свой перевод таким образом, так как «под таким заглавием книга принимает характер описания современного состояния в стране, где правящим классом является аристократия»¹. Он пытается представить «Записки» как «захватывающую картину нравов России», «серию глав», в которых «личные переживания автора невольно уступают место проблемам социальным». Более того, Шарьер утверждает, что «такая вынужденно скромная и сдержанная форма скрывает под собой одно из самых смелых и появившихся весьма кстати произведений, которое оказывает сильное влияние на умы всей нации».

Шарьер не останавливается на изменении заглавия всего произведения. Он изменяет или добавляет пояснения практически к каждому названию рассказа, фиксируя таким образом свою интерпретацию смысла произведения, часто искажающую авторскую позицию, не сводимую только к критике социальной действительности, к проблеме крепостничества:

- «Хорь и Калиныч» – «Хорь и Калиныч. Русские крепостные в деревне»;
- «Ермолай и Мельничиха» – «Ермолай и Мельничиха. Русские крепостные в городе»;
- «Однодворец Овсянников» – «Однодворец. Крупное и мелкое дворянство и буржуазия в России»;

- «Льгов» – «Льгов. Изменчивые условия жизни крепостных»;
- «Бурмистр» – «Бурмистр. Крепостные и управляющие в России»;
- «Контора» – «Контора или служба в России»;
- «Петр Петрович Каратаев» – «Каратаев или крепостная-любовница».

Так, говоря в своем вступлении о рассказе «Бурмистр», он определяет его основной смысл как критику «холодного эгоизма и алчности цивилизованного хозяина, спокойно воспринимающего тиранию своего подчиненного» по отношению к крестьянам. Вывод, к которому приходит в своем вступлении Шарьер, не соответствует позиции автора, который и не ставил перед собой цель «реформирования всей системы или даже неизбежного ее искоренения». Для Тургенева сюжетная ситуация рассказа и описанные в нем события и характеры стали важным этапом в переоценке нравственных ценностей повествователем-охотником.

Анализируя стиль автора «Записок», Шарьер не видит или, скорее, не хочет видеть сложности и противоречивости национального характера, представленного в двух его различных ипостасях – народном характере и характере русского дворянства, каждый из которых формировался в определенных исторических условиях. Шарьер убеждает французского читателя в том, что «автор скрывает свои атаки под пикантной иронией, чтобы показать эту ужасную систему в форме гротеска». Например, в рассказах «Льгов» и «Контора», которые видятся ему «забавными картинками», Шарьер находит «комичной» манеру изображения Тургеневым «странного и вздорного правления» русских помещиц, их отношений со своими крепостными, а комментируя рассказ «Два помещика», «забавной» называет гордость крепостного тем, что его наказал барин. Противопоставляя помещиков крепостным, Шарьер утверждает, что именно среди крестьян нужно искать «интересные характеры», тогда как помещиков называет «грубыми и неотесанными».

Интересно проследить, как Шарьер преподносит французскому читателю отношение Тургенева к «вельможам». Он считает, что при описании «этих необыкновенных, самобытных людей» талант автора проявляется во всей своей силе. Для того чтобы расставить «правильные», по его мнению, акценты, Шарьер добавляет в заглавие рассказов свои пояснения: «Малиновая вода или русский вельможа», «Чертопханов и Недопюскин» он называет «Местные жители. Дворяне-степняки». Рисую образ помещиков, он

говорит о «неистовстве их прихотей и о чрезмерном расточительстве, животной глупости, вызванной их неограниченными желаниями, непросвещенности и грубости». При этом Шарьер полагает, что винить во всем следует скорее обычаи и нравы, пришедшие из «старинного русского общества», чем самих вельмож.

Описывая русское общество, Шарьер пытается заранее настроить читателя на такое понимание каждой главы, которое ему кажется правильным. Однако и здесь Шарьер не выдерживает единства подхода в характеристике основной идеи произведения:

- «Бежин луг» – «Бежин луг. *Распространенные суеверия в России*»;
- «Касьян с Красивой мечи» – «*Встреча смерти и карлика Касьяна*»;
- «Лебедянь» – «*Лебедянь или маленький русский город*»;
- «Татьяна Борисовна и ее племянник» – «*Провинциальная женщина и ее племянник артист*»;
- «Смерть» – «*Смерть. Манера умирать у русских*»;
- «Певцы» – «*Кабачок. Понимание музыки у русских*»;
- «Свидание» – «*Свидание. Деревенская любовь*»;
- «Гамлет Щигровского уезда» – «*Высшее общество в провинции. Русский Гамлет*».

Обращаясь к рассказу «Гамлет Щигровского уезда», Шарьер довольно смело рассуждает о различиях в характере разных народов и «русском юморе», хотя саму ситуацию трагической исповеди безымянного героя трудно представить как юмористическую. Пытаясь представить такие истинно русские по своим характерам рассказы, как «Бежин луг», «Певцы», «Касьян с Красивой мечи», Шарьер не замечает духовной красоты героев, а интерпретировать рассказ «Бежин луг» как свод русских суеверий – значит не понимать поэзии устного народного творчества, не видеть благотворного воздействия ее на рассказчика. Заключительный вывод Шарьера о том, что

«славянская раса, что бы она о себе ни говорила, в сущности малозаметна и для поэзии не может предложить что-нибудь более или менее новое, не может выйти за рамки народных песен и сказаний, оставаясь по-детски простой и даже монотонной» абсолютно несостоятелен. Противоречивость высказанного Шарьером положения демонстрирует его отказ мотивировать сказанное, поэтому переводчик резко обрывает комментарий, «дабы не предвосхищать восприятие читателя». И в этом контексте совершенно справедливым представляется возмущение Тургенева, характеризующего работу Шарьера: «Каков бессовестный француз!» [2: 223].

В своем предисловии, так же как и в переводе, Шарьер сводит сложные переживания автора к изображению той картины, которую сам считает истинной, тем самым изгоняет из произведения поэзию русской действительности и «лишает его <...> достоинства оригинальности» [2: 221]. Несмотря на все высказанные соображения, сам факт обращения Шарьера к «Запискам охотника» был значительным явлением не только в истории перевода, но и в истории сложных взаимоотношений русской и французской культуры.

Примечание

1. Цитаты из предисловия к «Запискам русского барина, или Картина современного состояния дворянства и крестьянства в русских провинциях» приводятся по изданию: Charrière, Ernest. *Memoires d'un seigneur russe ou tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes*. Paris, Bibliothèque des Chemins de fer, 1854. – *перевод с франц. наш* – Н.В.

Список литературы

1. Гутьяр Н.М. И.С. Тургенев во Франции // Вестник Европы. 1902. Т. 5.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Письма в 18 томах. Изд 2-е. М., 1982. Т. 2 (Письма 1850–1854).
3. Mongault H. Tourgueniev. *Mémoires d'un chasseur*. Paris, Gallimard, 1953.

**RUSSIAN REALITY OF 1840s-1850s THROUGH THE PRISM OF THE SOCIAL DIMENSION
OF TRANSLATION**

(I.S. Turgenev's «A Sportsman's Sketches» translated by E.Charrière)

N.A. Voskresenskaya

The translation of I.S. Turgenev's «A Sportsman's Sketches» into French is an example of the translator's liberties with the original text, resulting in the distorted Russian national character. The author of the article raises the problem of interpreting the text by the translator.

Keywords: translation, interpretation, perception, national character.